

Снижение боеготовности ядерных сил России и США путь к уменьшению ядерной угрозы

**Институт Мировой Экономики и Международных Отношений
Российская Академия Наук (ИМЭМО РАН)**

**Авторский коллектив:
АРБАТОВ А.Г.; БЕЛОУС В.С.; ПИКАЕВ А.А.; БАРАНОВСКИЙ В.Г.**

Москва 2001

Содержание:

[Высокая боеготовность ядерных вооружений и фактор случайности в возникновении войны](#)

[Новый исторический феномен - "случайная ядерная война"](#)

[Влияние ошибок в системах обработки информации и боевого управления на вероятность случайного ядерного конфликта](#)

[Технические сбои и неисправности в системах вооружений](#)

[Роль человеческого фактора в развязывании войны](#)

[Принятие неадекватных, ошибочных решений высшим политическим руководством](#)

[Основное направление укрепления ядерной безопасности - сокращение вооружений](#)

[Снижение боеготовности ядерного оружия](#)

[Ядерное оружие и расширение НАТО](#)

[Влияние развертывания системы национальной противоракетной обороны на уровень боеготовности СНВ](#)

[Краткие выводы и рекомендации](#)

[Примечания](#)

[Список использованной литературы](#)

[Об авторах](#)

Высокая боеготовность ядерных вооружений и фактор случайности в возникновении войны

"Каменный век может вернуться на сияющих крыльях науки".
Уинстон Черчилль

Опасность, связанная с наличием чрезмерных ядерных арсеналов и возможностью их применения заставила СССР и США приступить к переговорам и заключить соглашения о сокращении ядерных вооружений. Завершена утилизация ракет и оборудования по Договору РСМД; близок к выполнению и Договор СНВ-1. Подписан, но не вступил в силу, Договор СНВ-2. Неоднократно, на высшем уровне, заявлялось о стремлении к радикальным сокращениям СЯС России и Соединенных Штатов.

Однако ни окончание «холодной войны», ни несомненный прогресс в области ограничения и контроля над ядерными вооружениями, ни многократные заявления лидеров двух стран о том, что Россия и США более не являются стратегическими противниками, не внесли качественных изменений в их военно-политические взаимоотношения. На сегодняшний день, по оценкам экспертов, у России и США насчитывается около 6000 стратегических боеприпасов с каждой стороны. При этом значительная часть ядерных боезарядов постоянно находится в высокой боевой готовности. Это значит, что российские и американские МБР могут стартовать спустя несколько минут после получения команды, а БРПЛ, развернутые на патрулирующих РПКСН - спустя 15 минут. Суммарное количество российских и американских боезарядов, находящихся в состоянии высокой боеготовности, равно 3500-4000¹.

Представляется, что концепция ответно-встречного удара, предусматривающая постоянную боеготовность наиболее уязвимых систем, таких как МБР шахтного базирования, в сочетании с несовершенной системой предупреждения о ракетном нападении (СПРН) повышает вероятность случайной ядерной войны. Наиболее очевидный способ предотвратить последствия ошибки или неверной интерпретации данных СПРН - понизить боеготовность СЯС и продлить время принятия решения о нанесении ядерного удара. Решение о снижении боеготовности способствовало бы и продвижению на пути сокращения СЯС, сохраняя при этом потенциал сдерживания. В случае, когда ядерные вооружения обеих сторон находятся в состоянии пониженной боеготовности, нет необходимости располагать большим количеством носителей и боеголовок, опасаясь, что значительная часть арсенала может быть уничтожена в неожиданном упреждающем ударе противника.

Новый исторический феномен - "случайная ядерная война"

Взаимное недоверие и подозрительность между СССР и США на протяжении десятилетий после окончания Второй мировой войны постепенно привели к созданию систем ядерного оружия, обладающих чрезвычайно большой дальностью действия и мощностью заряда, точностью доставки к цели, высокой боевой готовностью. Особенно это характерно для ракетно-ядерного оружия наземного и морского базирования, находящегося на боевом дежурстве в высокой степени готовности к пуску после получения соответствующей команды. Наивысшей боевой готовностью - около одной минуты обладают ракеты, находящиеся в шахтах, до 15 минут - ракеты подводных лодок, до 5 минут - взлет бомбардировщиков, находящихся на боевом дежурстве. В России в мирное время тяжелые

бомбардировщики боевого дежурства не несут. Они совершают полеты в соответствии с планами боевой подготовки без ядерного оружия на борту. Моделирования ядерной атаки показали, что политическое руководство страны, чтобы не лишиться собственных наступательных вооружений, вынуждено будет принять решение о нанесении ответного удара за чрезвычайно короткое время (3-4 минуты).

Способность нанести неожиданный массированный удар по СЯС противника и тем самым обезоружить его, заставила СССР и США обратиться к концепции ответно-встречного удара или удара «по предупреждению» (удар возмездия по противнику наносится до того, как его ядерные боезаряды поразят цели). Высокая боеготовность в сочетании с концепцией ответно-встречного удара, несколькими минутами, отведенными на принятие решения, и огромной поражающей способностью ядерного оружия привела к появлению принципиально нового феномена, имя которому - "случайная ядерная война". О реальности подобной виртуальной угрозы свидетельствует, в частности, тот факт, что мощность боеголовок, установленных только на одной американской ракете МХ или на российской ракете СС-18, примерно равна суммарной мощности всех боеприпасов, взорванных за все годы Второй мировой войны. Это при том, что ракеты МХ и СС-18 лишь часть ядерных вооружений США и России, находящихся в состоянии постоянной боевой готовности.

Случайный запуск межконтинентальной ракеты наземного или морского базирования, взрыв ядерной боеголовки на территории другой страны, способной в одно мгновение уничтожить целый город, может, подобно выстрелу в Сараево в 1914 г, мгновенно привести в действие механизм третьей мировой войны. Всемирное усложнение современного оружия, непрерывное повышение его готовности к боевому использованию объективно способствуют увеличению риска его случайного срабатывания. Наивысшая опасность заключается в запуске всех ракет, находящихся в постоянной боеготовности - обмене массированными ядерными ударами.

Постановка электронных замков, позволяющих привести ядерное оружие в готовность к боевому применению лишь при вводе специального закодированного сигнала, создание различных, многократно дублированных систем предохранения от случайного срабатывания, значительно укрепили безопасность при эксплуатации ядерного вооружения, снизили вероятность непреднамеренного или несанкционированного его боевого использования. Однако все эти меры не могут дать полной гарантии по предотвращению возникновения "нештатных" ситуаций с ядерным оружием, способных привести к тяжелым последствиям. Такой вывод особенно актуален для России и США, которые обладают огромными ядерными арсеналами, и еще больше - "молодых" ядерных государств, которые в настоящее время еще не имеют более или менее отработанной системы обеспечения ядерной безопасности. Принято считать, что только США и Россия поддерживают свои ядерные силы в постоянной боеготовности². Однако это не означает, что другие ядерные державы, по мере модернизации своих вооружений, не последуют российско-американскому примеру. Чтобы этого не произошло, России и США следует снизить боеготовность своих ядерных вооружений.

Как известно, стратегические ядерные силы России и США обладают способностью вести

три основные формы боевых действий: превентивный (первый) удар; ответно-встречный удар; ответный удар. Глубокие идеологические и политические противоречия, сложившиеся между двумя странами в годы "холодной войны", породили глубокое недоверие и подозрительность друг к другу, не один раз приводящие к возникновению кризисной ситуации. В условиях "холодной войны" обе страны считали основной формой боевых действий нанесение ответно-встречного удара ("удара по предупреждению"), что определяло необходимость обеспечения высокой боевой готовности, исчисляемую буквально десятками секунд. Несмотря на существенно меньшую актуальность (по сравнению с периодом «холодной войны»), ответно-встречный удар продолжает оставаться основой ядерной политики России и США.

Приверженность удару «по предупреждению» более актуальна для России, поскольку ее основной стратегический ядерный потенциал сосредоточен на ракетах наземного базирования, находящихся в шахтах. Известно, что при нынешних характеристиках - точности и мощности - американских СНВ шахтные пусковые установки с большой вероятностью поражаются одной боеголовкой индивидуального наведения. Если бы Соединенные Штаты отказались от поддержания своих СЯС в состоянии высокой боеготовности, и, следовательно, перестали бы представлять потенциальную угрозу с точки зрения нанесения обезоруживающего удара, концепция ответно-встречного удара стала бы играть менее важную роль для России.

Мобильные ракетные комплексы для обеспечения высокой живучести должны постоянно перемещаться в позиционном районе по случайному закону. Однако на самом деле они большую часть времени проводят в стационарных укрытиях, чем повышают вероятность поражения в случае нанесения по ним внезапного удара. В то же время не вызывает сомнений то, что в условиях окончания "холодной войны" обе стороны должны предпринять практические шаги по отказу от ответно-встречного удара и переходу к чисто ответным действиям. Это предполагает увеличение времени, необходимого для подготовки ракет к пуску, чтобы ядерная война не могла начаться вследствие человеческой или компьютерной ошибки.

Высокая боевая готовность ядерного оружия повышает риск возникновения случайной ядерной войны по нескольким группам причин:

- ошибки систем обработки информации и боевого управления;
- технические сбои и неисправности в боевых системах;
- неадекватность оценки складывающейся ситуации высшим политическим и военным руководством и принятие ошибочных решений;
- ошибочные или несанкционированные действия, а также психические срывы личного состава, обслуживающего ядерное оружие;
- провокации со стороны третьих ядерных держав или использование ядерного оружия террористами.

Влияние ошибок в системах обработки информации и боевого управления на вероятность случайного ядерного конфликта

Как показывает исторический опыт, наибольшая потенциальная опасность в возникновении случайного ядерного конфликта таится в информационно-разведывательных системах, в системах боевого управления и СПРН. Рассмотрим эту проблему на примере функционирования СПРН. Как известно, системы предупреждения России и США основаны на сложных радиотехнических и инфракрасных комплексах наземного и космического базирования, отличаются высокой степенью автоматизации, насыщением быстродействующими компьютерами. Именно эта система вырабатывает первичный сигнал, который является основой для принятия решения о нанесении ответно-встречного удара. Неабсолютная надежность СПРН может привести к ядерному конфликту вопреки воле высшего политического руководства страны, так как в основе процесса принятия решения может находиться ошибочная информация и высокая боеготовность ядерного оружия. История хранит немало случаев выдачи системой ПРН ложных сигналов о якобы начале ракетно-ядерной атаки противника.

Вот только несколько примеров. В 1961 г одна из американских радиолокационных станций (РЛС) дальнего обнаружения зарегистрировала внезапное появление множества неизвестных объектов, летящих с огромной скоростью в сторону США. После обработки полученной информации в частях Стратегического авиационного командования (САК) немедленно объявили тревогу. Все было подготовлено к нанесению удара и только через некоторое время выяснилось, что причиной паники явились летящие осколки взорванного резервуара американского спутника "Транзит". В июне 1980 г система индикации на командном пункте САК вблизи Омахи (штат Небраска) выдала сигнал о приближении к территории США баллистических ракет подводных лодок. Всем дежурным экипажам бомбардировщиков В-52 был отдан приказ занять свои места и запустить двигатели. Был подготовлен к взлету воздушный командный пункт. Лишь через три минуты стало ясным, что тревога была ложной, и дали отбой. В ходе расследования выяснилось, что причиной ложной тревоги явился выход из строя одной из микросхем компьютера СПРН, стоимостью полдоллара. При наблюдении из космоса разлив стали на металлургическом заводе может быть принят за старт ракеты. По оценкам экспертов, в 80-х годах первичные ложные сигналы в системах предупреждения отмечались в среднем 6 раз в сутки.

Подобные происшествия имели место и в работе советской (российской) СПРН. Так, в январе 1982 г одна из советских РЛС, прикрывающая южное направление, обнаружила летящую баллистическую ракету. Получив этот сигнал, на командном пункте объявили повышенную боеготовность. Лишь через несколько минут выяснилось, что причиной тревоги послужил испытательный пуск Израилем ракеты "Иерихон-2" с дальностью полета 1450 км, что никоим образом не могло угрожать СССР. В июне 1985 г на одной из РЛС, контролирующей восточное направление, был получен сигнал о полете в зоне наблюдения баллистической ракеты. Он был настолько мощным, что цель была сразу же взята на сопровождение. При дальнейшем анализе летящей цели на командном пункте было установлено, что источником сигнала явился один из спутников, обладающий большой отражающей способностью по отношению к солнечному излучению.

После распада СССР российская СПРН подверглась суровым испытаниям. Из девяти РЛС дальнего обнаружения на территории России осталось только три, остальные оказались на территории других стран Содружества: на Украине (две) и по одной в Азербайджане,

Казахстане, Белоруссии и в Латвии. По настоянию латвийского руководства находившаяся на ее территории РЛС была демонтирована, оголив северо-западное ракетноопасное направление. По договоренности со странами Содружества все оставшиеся РЛС продолжают функционировать в общих интересах. Северо-западное направление прикроет строящаяся в районе Барановичей (Белоруссия) РЛС. Остается неурегулированным вопрос о статусе Габалинской РЛС в Азербайджане, личному составу которой приходится работать в сложных условиях. Кроме того, Украина и Азербайджан входят в объединение ГУУАМ,³ участники которого часто занимают отличные от России позиции по вопросам безопасности. Следовательно, нельзя исключить невозможность использования Россией РЛС в Украине и Азербайджане.

Следует признать, что надежность функционирования системы СПРН на многосторонней основе уступает надежности работы единой системы предупреждения о ракетном нападении в бытность СССР. Косвенным свидетельством этому является инцидент со случайным поражением российского пассажирского авиалайнера запущенной в ходе учебной стрельбы зенитной ракетой С-200 ПВО Украины в октябре 2001 г. Это показало деградацию и ненадежность ряда связанных с СПРН компонентов украинских вооруженных сил.

Положение усугубляется еще и тем, что космическая группировка СПРН России в последние годы серьезно ослаблена в результате экономических трудностей, переживаемых страной, и работает в сокращенном составе. Все это снижает уверенность в безошибочности функционирования российской СПРН и диктует необходимость отказа от пуска ядерных ракет "по предупреждению".

Широкую огласку получил случай с запуском американской исследовательской ракеты "Блэк Брант-12" с норвежского острова Андоя в январе 1995 г. Так, известные американские эксперты полагают, что информация о готовящемся пуске, своевременно переданная российским официальным лицам, не дошла до соответствующих служб. Как следствие, сигнал, появившийся на экранах радаров, был интерпретирован как ракетная атака с американской подводной лодки. Информация о возможной ракетной атаке была передана вверх по команде. В результате, по сообщению западных аналитиков и СМИ, впервые был активирован «ядерный чемоданчик». Лишь за несколько минут до принятия решения об ответном ударе российское военное командование пришло к выводу, что ракета не представляет угрозы.

Следует также учитывать, что СПРН подвержена влиянию взаимосвязанных между собой вероятностными соотношениями так называемых ошибок 1-го и 2-го рода. За ошибку 1-го рода принимают пропуск события, в нашем случае - запуска ракет противником, за ошибку 2-го рода - ложную тревогу. Значение "порога срабатывания" датчиков системы СПРН определяет вероятность появления той или иной ошибки. Так, высокий порог чувствительности датчиков, который будет обеспечивать высокую защищенность от ложной тревоги, одновременно заключает в себе опасность, что в какой-то момент времени система предупреждения не среагирует на действительный старт ракет противника. С другой стороны, снижение порога чувствительности, что может быть характерным в условиях кризисной ситуации, будет увеличивать вероятность выдачи

сигнала ложной тревоги. Естественно, в этом случае будет резко возрастет нервозность и недоверие между противостоящими государствами, снизится стратегическая стабильность, возрастет риск случайного возникновения ядерной войны.

Эта неустойчивость приводит к такому положению, когда, как утверждает профессор Поль Брэкен, "никто не хочет войны, но каждый предпочел бы напасть первым, чтобы не оказаться вторым". В случае срыва, перешагнув через "ядерный порог", война начнет развиваться в силу собственных внутренних законов, отличающихся крайней иррациональностью и скоростью эскалации. В мирное время, неотягощенное усилением военной конфронтации, главную опасность несут в себе ложные тревоги. Об этом как раз и свидетельствуют многочисленные сбои и ложные сигналы в системах предупреждения о ракетном нападении.

Особую сложность и связанную с ней степень надежности представляет разработка программного обеспечения систем военного управления. Многочисленность и сложность функциональных связей, многообразие и непредсказуемость возможных боевых ситуаций, активное противодействие противника чрезвычайно усложняют структуру и объем программ. Как показывает мировой опыт, даже высококвалифицированные программисты не застрахованы от грубых ошибок. Согласно теории Холстеда, для больших программ число ошибок растет пропорционально логарифму их длины (числу строк программного кода), что делает весьма сомнительным создание безошибочных сложных программ управления боевыми системами. Все это означает, что опора на такие компьютерные системы, в результате их внутренней ненадежности, может привести к трагическим последствиям.

В подтверждение сказанного приведем лишь один пример. Во время англо-аргентинского конфликта в районе Фолклендских (Мальвинских) островов был потоплен один из лучших кораблей британского флота эсминец "Шеффилд", оснащенный современной автоматизированной системой противовоздушной обороны (ПВО). При расследовании причин его гибели оказалось, что при составлении программы управления системой ПВО корабля английские специалисты не приняли во внимание недавнее поступление на вооружение аргентинского флота французской противокорабельной ракеты "Экзосет". Эта ракета находится на вооружении стран НАТО и в программе управления ПВО британского эсминца она числилась как "своя". В результате такой ошибки при подлете ракеты к кораблю средства радиопротиводействия и уничтожения воздушных целей не были включены. Ракета беспрепятственно прошла зону ПВО и прямым попаданием отправила эсминец на дно.

Военное руководство России за десятилетия "холодной войны" создало жестко централизованную (по признанию некоторых американских военных специалистов, даже более жесткую, чем в США), многократно дублированную систему управления ядерными силами. Высокая надежность этой системы не подвергалась сомнению. Однако в последние годы ситуация в этой сфере несколько осложнилась. Это определяется прежде всего сокращением объемов финансирования на поддержание технической надежности информационно-разведывательных систем и систем боевого управления, что вызывает серьезную озабоченность специалистов. Это, в частности, признал бывший министр

обороны России Игорь Родионов: "...если будет сохраняться нехватка финансовых средств, ... Россия может скоро подойти к пределу, за которым ракеты и ядерные системы становятся неуправляемыми". Такое положение вызывает серьезную озабоченность нового руководства России. Это, в частности, нашло отражение в программе строительства и развития Вооруженных сил РФ до 2005 г, в которой серьезное внимание уделено поддержанию и совершенствованию систем боевого управления и связи. Продление времени подготовки к пуску представляется наилучшим решением проблемы ошибки или ложной интерпретации данных СПРН.

Технические сбои и неисправности в системах вооружений

Широко известны неоднократные технические сбои в системах вооружений, значительное число случаев аварий и катастроф с носителями ядерного оружия - кораблями, самолетами, ракетами, которые по счастливой случайности пока не привели к ядерной катастрофе. Вот только несколько примеров в подтверждение сказанному.

Начало катастрофам носителей ядерного оружия на море было положено гибелью американской подлодки "Трешер", затонувшей в 1963 г вместе со всем экипажем и оружием. После этого последовал еще целый ряд инцидентов с атомными подлодками в море. В 1968 г в Тихом океане затонула советская подлодка К-129 с ядерным оружием на борту. В 1980 г возник пожар на советской подлодке класса "Эхо". В июне 1983 г в результате технической неисправности затонула подлодка класса "Чарли" с ядерным боезапасом. В марте 1984 г советская подлодка класса "Виктор" получила серьезные повреждения в результате столкновения с авианосцем "Китти Хок" и была отбуксирована на базу. В октябре 1986 г загорелась и затонула советская подлодка типа "Янки-1" с 16 стратегическими ракетами на борту.

В апреле 1989 г в Норвежском море в результате возникшего пожара затонула советская подлодка "Комсомолец". На ее борту находились торпеды и крылатые ракеты с ядерными боеголовками. В июне 1989 г произошла авария главной энергетической установки другой подлодки, на вооружении которой также состояли торпеды с ядерными боеголовками и крылатые ракеты. Аварию удалось ликвидировать, и лодку на буксире доставили в Североморск. Последней в этом ряду явилась гибель в Баренцевом море атомной подлодки "Курск" в результате взрыва боезапаса, находящегося на ее борту. Трудно себе представить, что могло произойти, если бы на лодке находились крылатые ракеты или торпеды с ядерными боеголовками, как это имело место на подлодках такого типа до 1991 г. Это позволяет по достоинству оценить дальновидные шаги, которые были предприняты осенью 1991 г президентами Джорджем Бушем и Михаилом Горбачевым по снятию тактического ядерного оружия с надводных кораблей и подводных лодок.

Известен ряд серьезных инцидентов с ракетным оружием. Так, в августе 1966 г в американской шахтной пусковой установке взорвалась жидкотопливная МБР "Титан-2", несущая на себе боеголовку мегатонного класса. Катастрофа, случившаяся в сентябре 1980 г на авиабазе Литтл-Рок (штат Арканзас), унесла жизни около 50 военнослужащих, когда в шахте произошел взрыв такой же ракеты. Взрывной волной из шахты была выброшена боеголовка мегатонной мощности. В июне 1987 г на полигоне Уоллопс (штат

Вирджиния) под действием разряда молнии произошло срабатывание твердотопливных двигателей ракеты "Орион" и двух малых ракет, в результате чего произошел их самопроизвольный запуск. Достоянием истории стали происшествия с самолетами-носителями ядерного оружия: сброс ядерных боеприпасов с аварийного самолета США в районе Паломареса (Испания), авария бомбардировщика с ядерными бомбами у побережья Гренландии.

Широкую известность получил взрыв в октябре 1960 г одной из новых советских ракет при подготовке ее к испытательному пуску на полигоне Байконур. В этой катастрофе погибли Главнокомандующий советскими Ракетными войсками стратегического назначения Главный маршал артиллерии Митрофан Неделин и около ста человек из состава боевого расчета. В июле 1983 г на том же полигоне произошел мощный взрыв еще одной ракеты-носителя. На территории России неоднократно происходили взрывы боеприпасов, находящихся в хранилищах. К счастью, на этих складах не содержались ядерные боеприпасы.

С сожалением следует признать, что в последние годы в России обострилась проблема технической надежности систем стратегического оружия, находящегося в боевом составе. Это связано с тем, что значительное их количество выслужило установленные конструкторами гарантийные сроки эксплуатации и подлежит замене на новые образцы. Однако вследствие отсутствия необходимого количества средств на эти цели было принято решение о проведении работ по продлению сроков нахождения некоторых видов оружия в боевом составе. Так, по признанию Главнокомандующего РВСН генерала Владимира Яковлева, сделанному им в 1998 г, уже в ту пору в войсках 62% ракетных комплексов и 71% средств управления эксплуатировались за пределами гарантийных сроков. С целью продления технического ресурса ракет примерно в полтора раза проводится совместно с промышленностью комплекс мероприятий: индивидуальная диагностика каждой ракеты, замена отдельных узлов и блоков, проведение некоторых доработок на комплексах.

Не лучше обстоит дело в этом отношении и с подводными ракетноносцами. Установленный для них гарантийный срок эксплуатации в 25 лет может быть обеспечен при условии прохождения ими среднего ремонта каждые 7-8 лет. Однако у государства не хватает средств для выполнения этих технических требований, вследствие чего подлодки выводятся из боевого состава раньше установленных сроков эксплуатации. При этом не менее острой, чем для РВСН, остается также проблема продления технического ресурса баллистических ракет, состоящих на вооружении подлодок.

Несмотря на заверения некоторых высокопоставленных военных о высокой технической надежности систем СНВ, нет сомнений в том, что продление их гарантийных сроков - вынужденная мера, которая предпринимается не от хорошей жизни и изначально несет на себе определенные негативные моменты. Не случайно, бывший министр обороны США Уильям Перри, оценивая потенциальную опасность, исходящую от российского ядерного оружия, в том числе и вследствие снижения его технической надежности, утверждал, что лучший способ обеспечивать безопасность Америки - это помогать ликвидации ядерного

оружия бывшего противника.

Роль человеческого фактора в развязывании войны

Чрезвычайно велика роль человеческого фактора в судьбе ядерного оружия. Создание огромных запасов ядерного оружия, насыщение им практически всех видов вооруженных сил, привело к тому, что в работах по его обслуживанию, транспортировке и охране ежедневно принимают участие десятки тысяч военнослужащих. В середине 80-х годов в армии, авиации и на флоте США к обращению с ядерным оружием были допущены более 150 тысяч человек. Примерно такая же картина была характерна в ту пору и для СССР. Хотя в России эта цифра значительно уменьшилась, однако и сейчас она касается десятков тысяч людей, имеющих доступ к нему в течение жизненного цикла ядерного оружия. Несмотря на довольно строгий отбор и усиленный психо-физиологический контроль, у некоторых из них в результате значительных психологических нагрузок и стрессов может произойти нервный срыв с самыми тяжелыми последствиями. В американской печати описывался реальный случай, когда в состоянии психического расстройства сержант ВВС выстрелом из пистолета в ядерную боеголовку "пытался с треском свести свои счета с жизнью".

Не случайно, озабоченность США состоянием ядерной безопасности России привела к принятию закона Нанна-Лугара, согласно которому оказывается помощь в ликвидации оружия массового уничтожения, в укреплении ядерной безопасности. Это, в частности, проявилось в поставках контейнеров и оборудования специальных вагонов для транспортировки ядерных боеприпасов, защитных покрытий, а также нескольких "детекторов лжи" и комплектов аппаратуры для определения психически неуравновешенных лиц, а также лиц, склонных к алкоголизму и наркомании.

По оценкам некоторых специалистов, именно человеческий фактор является наиболее слабым звеном в системе ядерной безопасности. Это положение весьма актуально для России, где в результате обострения социально-экономической ситуации, значительно осложнилось положение военнослужащих. При этом около 12 тысяч офицеров в РВСН несут боевое дежурство на подземных командных пунктах и мобильных ракетных комплексах, в вышестоящих центрах управления. Несколько сотен моряков по 2-3 месяца без всплытия на поверхность несут боевую службу в океанских глубинах.

В то же время низкое денежное содержание офицерского состава, особенно младшего, не обеспечивает необходимый жизненный уровень их семьям, жилищная неустроенность осложняет жизнь и быт офицеров. В настоящее время десятки тысяч офицеров не имеют своих квартир. В этих условиях многие молодые офицеры увольняются из армии вскоре после окончания военных училищ, другие ищут возможность подрабатывать на стороне. Социально-экономические неурядицы в стране привели к ухудшению отношения к воинской службе, снижению уровня воинской дисциплины среди рядового состава, снижается уверенность в точном исполнении ими своих обязанностей, в том числе и требований по обеспечению ядерной безопасности, предотвращению несанкционированных действий. Правда, в российских Вооруженных силах прямой доступ к ядерному оружию по своим служебным обязанностям имеют только офицеры и

прапорщики, которые в большинстве своем в силу особенностей российского менталитета все же довольно ответственно подходят к выполнению своего воинского долга.

Отдельные нарушения и преступления, допускаемые солдатами и сержантами срочной службы и становящиеся достоянием широкой общественности, свидетельствуют о необходимости совершенствовать систему отбора в специальные войска и осуществления постоянного контроля за их морально-психологическим состоянием. Это подтверждается, в частности, тем, что только в 1998 г на ядерных объектах был совершен ряд тяжелых происшествий: одним из солдат был расстрелян караул на радиационно-химическом комбинате "Маяк"; произошло самоубийство матроса, закрывшегося в торпедном отсеке атомной подводной лодки "Вепрь" на Северном флоте; имел место захват заложников тремя солдатами на ядерном полигоне Новая Земля. Эти случаи свидетельствуют о том, что проблема человеческого фактора является одной из наиболее актуальных для предотвращения чрезвычайных происшествий с ядерным оружием. Лишь в случае параллельного решения международных военно-политических и внутренних социально-экономических проблем можно рассчитывать на снижение риска случайной ядерной войны до минимума.

В связи с обострением проблемы международного терроризма, социально-психологический фактор приобретает все большее значение. Прежде всего, это относится к риску доступа террористов на ядерные объекты, который может быть предоставлен психологически неуравновешенным или нуждающимся в материальных средствах персоналом. И хотя пока подобные опасения не оправдывались, в свете складывающейся ситуации к ним следует отнести с собой серьезностью.

Принятие неадекватных, ошибочных решений высшим политическим руководством

Специалисты в области сложных систем обращают внимание на глубокую корреляцию вероятности появления ошибочных и несанкционированных действий с ядерным оружием с состоянием стабильности в мире, с уровнем военной конфронтации. В периоды усиления военной напряженности между ядерными государствами может резко возрасти вероятность случайного начала ядерной войны по причине неадекватной оценки ситуации и намерений потенциального противника в условиях стресса, снижения порога чувствительности датчиков СПРН, психологического напряжения операторов пунктов управления. Стремление проникнуть в замыслы противостоящей стороны подвержено влиянию такого множества случайных факторов, наложения стереотипов прошлого, особого конформизма группового мышления, что говорить об адекватности принимаемых решений сложившейся ситуации весьма рискованно.

Как справедливо указывают многие исследователи, ядерная безопасность в конечном счете зависит от людей, которым надлежит принимать решения в военной сфере. При этом, находясь в составе рабочих групп, люди ведут себя зачастую иначе чем индивидуально. Это особенно характерно для стрессовых ситуаций, когда они отказываются от индивидуальных суждений и придерживаются мнения лидера или простого большинства участников. Стрессовая ситуация, возникающая в случае получения сигнала (возможно и ложного) о запуске ракет противником усугубляется

чрезвычайно малым подлетным временем ракет, в течение которого необходимо принять решение, а также высокой боеготовностью своих ядерных сил.

Особую значимость имеют решения, принимаемые на высшем политическом уровне. Сложность и чрезвычайно высокая ответственность за принятие решения, отделяющего мир от войны, создает для лидеров ядерных стран острую стрессовую ситуацию. Проведенные ориентировочные расчеты и моделирование боевых ситуаций показывают, что в случае получения сигнала о нанесении противником первого ядерного удара в распоряжении высшего политического руководства обороняющейся стороны будет не более 3-4-х минут для оценки обстановки и принятия решения на нанесение ответно-встречного удара. В этих условиях резко возрастает вероятность принятия ошибочных решений, неадекватных сложившейся ситуации.

Об этом, в частности, свидетельствует и опыт деятельности высшего политического руководства США и СССР. Бывший помощник президента США по национальной безопасности Brent Scowcroft довольно образно описывал поведение президентов США во время учений и дискуссий в отношении управления ядерными силами. "Мой опыт говорит о том, что в первые пару дней имеет место абсолютный ужас, когда совсем внезапно они сознают, что все это находится в их руках и что они единственные люди, которые должны принять решения".

Не менее характерна в подобной ситуации реакция бывшего президента СССР Михаила Горбачева. В интервью американскому корреспонденту Джонатану Шеллу он вспоминал: "Когда меня учили пользоваться "ядерной кнопкой" или "черным чемоданчиком", передо мной нарисовали такую ситуацию: мне могут доложить о нападении с одного направления и пока я обдумываю свои действия, в те же минуты приходит другое сообщение о ядерном нападении с другого направления. И в этих условиях мне предстоит принять решение".

В условиях появления новых ядерных государств, распространения в мире ракетных средств доставки оружия массового уничтожения большой дальности, неопределенности для высшего военно-политического руководства США и России еще более возрастают. Так, преднамеренный или случайный запуск индийской, пакистанской или израильской ракеты в сторону России может быть расценен как старт американской БРПЛ из акватории Индийского океана или Средиземного моря. А траектория полета китайских ракет к целям в Северной Америке частично проходит над российской территорией - что, в течение определенного времени создает неясность относительно их реальной цели.

Подводя кратко итоги рассмотрению основных причин, способствующих возникновению случайной ядерной катастрофы, следует заметить, что все они в своей основе базируются на высокой боевой готовности СНВ. Настало время понять и перевести в практическую плоскость понимание того, что обеспечить высокий уровень стратегической стабильности без радикальных сокращений ядерного оружия и снижения боевой готовности остающейся в боевом составе его части в новых геостратегических условиях вряд ли возможно.

Основное направление укрепления ядерной безопасности - сокращение вооружений

Мы считаем, что в настоящее время и в ближайшем будущем наибольшее влияние на повышение безопасности и предотвращение случайных или несанкционированных запусков ракет будут оказывать практические шаги по сокращению ядерных вооружений. Понимание реальности угрозы возникновения ядерной войны вопреки воле политического руководства СССР и США привело к тому, что уже во второй половине 60-х гг. были начаты переговоры об ограничении гонки ядерных вооружений и сокращении запасов этого оружия. Подписание Временного соглашения об ограничении ядерного оружия в 1972 г (ОСВ-1) явилось первым шагом на этом пути. В 1979 г. заключен Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), который, однако, не вступил в силу.

Большое значение для укрепления стратегической стабильности и предотвращения случайного конфликта имело подписание и выполнение советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

В июле 1991 г. в Москве был подписан Договор СНВ-1, который впервые в истории предусматривал радикальные сокращения СЯС: с 10500 до 6000 боеголовок на стратегических носителях, при этом не более 4900 на МБР и БРПЛ, а общее число носителей не должно превышать 1600 единиц. Большие надежды возлагались на Договор СНВ-2, подписанный в январе 1993 г, который предусматривает снижение количества боеголовок на носителях до уровня не более 3000-3500 единиц (не более 1750 из них - на ракетах подводных лодок) и ликвидацию дестабилизирующих МБР с РГЧ ИН - основной элемент упреждающего и ответно-встречного ударов. Сенат США одобрил Договор в 1996 г.; Россия ратифицировала СНВ-2 вместе с нью-йоркским пакетом в 2000 г. Возникшая в результате правовая коллизия до сих пор не разрешена. США не планируют принятие нью-йоркских соглашений 1997 г., без чего Договор СНВ-2 не может вступить в силу. Неясна и дальнейшая судьба двустороннего российско-американского диалога по сокращению СЯС.

Реализация предложения президента Владимира Путина о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений до уровня в 1500 единиц боезарядов позволит еще более укрепить стратегическую стабильность, значительно снизить угрозу появления "нештатных" ситуаций. Но само по себе сокращение - без дополнительных согласованных мер по укреплению стратегической стабильности - не обязательно приведет к уменьшению ядерной угрозы.

Снижение боеготовности ядерного оружия

Рассматривая проблему предотвращения случайного ядерного конфликта, следует признать, что полностью исключить риск его возникновения возможно лишь одновременно с полным запрещением ядерного оружия и уничтожением всех его запасов под строгим международным контролем. Однако в ближайшем будущем человечество не сможет полностью избавиться от потенциальной ядерной угрозы. Это означает, что мировому сообществу необходимо обеспечить максимально возможную безопасность

ядерного оружия. Одним из магистральных направлений на этом пути является снижение уровня боевой готовности ядерного оружия как стратегического, так и тактического, т.е. увеличение времени подготовки к пуску. Обсуждения этой проблемы между Россией (СССР) и США ведутся на разных уровнях уже в течение около тридцати лет, однако следует признать, что на пути снижения боеготовности стратегических ядерных сил пока были сделаны лишь первые шаги.

Весьма положительным примером в реализации тезиса о необходимости снижения боевой готовности СНВ явилась инициатива президента Джорджа Буша, предпринятая им в сентябре 1991 г. Он распорядился о снятии с полной боеготовности нескольких десятков тяжелых бомбардировщиков, которые до этого в течение десятилетий находились в готовности к взлету в течение нескольких минут по сигналу предупреждения. Одновременно он отменил состояние боеготовности для 450 стратегических ракет "Минитмен-2" и БРПЛ "Посейдон" на 10 подводных ракетносцах. Однако наиболее впечатляющими были его обязательства о радикальных сокращениях и даже полной ликвидации отдельных видов наиболее многочисленного ядерного оружия - тактического. Он объявил, что США вывезут на свою территорию все артиллерийские снаряды и боеголовки тактических ракет и ликвидируют их; снимут все ТЯО с надводных кораблей, многоцелевых подводных лодок, а также базирующейся на суше морской авиации, правда, при сохранении эффективного ядерного потенциала воздушного базирования в Европе (500 авиабомб суммарной мощностью около 96 Мт)⁴.

В ответ на инициативу Буша президент Михаил Горбачев приказал снять с боевого дежурства более 150 МБР, находящихся в шахтах, и 6 подводных ракетносцев, снизить уровень боевой готовности тяжелых бомбардировщиков, содержать боевые железнодорожные ракетные комплексы (БЖРК) безвыездно в местах их постоянной дислокации. Он предпринял также ответные шаги по сокращению, частичной ликвидации и радикальному понижению боеготовности тактического ядерного оружия, практически по принципу "зеркального отражения" инициативы Дж. Буша. Позднее эти планы были подтверждены и конкретизированы президентом России Борисом Ельциным в Заявлении "О политике России в области ограничения и сокращения вооружений". Вскоре был объявлен график частичной или полной ликвидации различных видов ТЯО, который предусматривал их демонтаж до 2000 г. включительно.

Практически все возможные угрозы определяют особую необходимость понижения уровня боевой готовности ядерного оружия, особенно с позиций предотвращения случайной ядерной войны. Возможный диапазон практических действий по снижению боеготовности ядерных сил весьма широк и многообразен и он охватывает меры, начиная от ненацеливания СНВ друг на друга и вплоть до снятия ядерных боеголовок со всех носителей⁵. Основной целью понижения боеготовности является устранение угрозы случайного ядерного конфликта и предоставление достаточного времени высшему руководству ядерных стран для всесторонней оценки сложившейся ситуации и принятия адекватных решений.

Организационно-технические решения, направленные на снижение боеготовности,

различаются между собой по трем основным параметрам:

- временем восстановления боевой готовности;
- возможностью осуществления взаимного контроля;
- стоимостью мер по понижению и восстановлению боеготовности.

Первым шагом на пути понижения боеготовности явилось соглашение между Россией и США о ненацеливании их ракет друг на друга, которое было подписано в 1994 г. Позднее такие соглашения были подписаны Россией и с другими ядерными державами. Правда, следует иметь в виду, что этот шаг имел больше политическое, чем военное значение, поскольку, с одной стороны, его невозможно проверить, а с другой - на восстановление нацеливания требуется не более 1-2-х минут⁶.

При этом необходимо принять во внимание, что уровень боеготовности весьма чувствителен к изменению внешнеполитической ситуации, особенно в отношении возникающих кризисов. Такие примеры, несмотря на уроки Карибского кризиса, имели место и позднее. Когда в 1968 г советские войска вошли в Чехословакию, то, опасаясь возможных действий со стороны НАТО и США, московское руководство отдало распоряжение о приведении Ракетных войск стратегического назначения в повышенную степень боеготовности. Во время арабо-израильской войны 1973 г аналогичные действия по повышению боеготовности своих ядерных сил предприняли Соединенные Штаты. Впоследствии стало известно, что во время этого события командиры боевых расчетов извлекли конверты со стартовыми ключами и президентскими кодами, что само по себе повышало вероятность несанкционированного или случайного запуска ракет.

Необходимо глубоко продумать тактику и последовательность действий по снижению боеготовности СНВ. Это означает, что вначале целесообразно использовать более простые процедуры понижения боеготовности, которые обеспечивают необременительные значения основных параметров: сравнительно небольшое время восстановления боеготовности (в случае необходимости); возможность проведения контроля; приемлемые финансовые затраты. По мере повышения транспарентности и взаимного доверия возможно осуществлять постепенный переход к более глубоким уровням понижения боеготовности.

Начать движение в этом направлении целесообразно с понижения боеготовности наиболее опасных, с точки зрения проявления случайных или несанкционированных действий - ракет наземного базирования, которые ежедневно, в полном составе несут боевое дежурство в наивысшей степени готовности. На первых порах понижение их боеготовности может достигаться путем снятия с ракет отдельных узлов и блоков, например, бортовых источников питания, головных обтекателей, блокирование системы открытия крышки шахты и т.п. В дальнейшем можно будет постепенно переходить к более глубокому понижению боеготовности, вплоть до снятия с ракет боеголовок и их складирования в специальных хранилищах, удаленных от стартовых позиций.

Для контроля за техническим состоянием ракеты, находящейся в шахте, необходимо разместить на ней вместо ядерной головной части ее электронный имитатор, что само по

себе потребует значительных финансовых средств. При этом необходимо иметь в виду, что снятие с ракет боеголовок и их надежное хранение возможно осуществить лишь в условиях значительных сокращений СНВ. Как весьма справедливо указывает заместитель председателя комитета Госдумы по обороне Алексей Арбатов, "если концепцию снижения уровней боеготовности путем снятия боеголовок пытаться реализовать прежде чем будут ликвидированы огромные арсеналы ядерного оружия, то проблемы, связанные с безопасностью его хранения, перевозками и утилизацией могут стать непреодолимыми". Это лишний раз подтверждает необходимость проведения радикальных сокращений ядерных арсеналов, которые уменьшая прямую угрозу ядерного конфликта, открывают путь к осуществлению кардинального решения проблемы понижения боеготовности СНВ.

Более сложная ситуация может сложиться с понижением боеготовности баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). Осуществление этой операции, помимо значительных финансовых затрат, ставит под сомнение целесообразность сохранения этого компонента в составе ядерной триады. Выход подводных крейсеров на патрулирование с ракетами, но без головных частей на них, теряет всякий смысл. Эти же подлодки при нахождении в базах теряют свое основное боевое свойство - живучесть и становятся весьма заманчивой мишенью, не только для ядерного, но и обычного оружия. Процесс восстановления боеготовности всех БРПЛ будет занимать значительное время, измеряемое неделями. Поэтому представляется, что вопрос о снижении боеготовности БРПЛ будет наиболее сложным среди всех СНВ. Видимо, на первых порах речь может идти о частичном снятии боеголовок с БРПЛ, а также о поисках и согласовании ряда организационно-технических мер, которые бы создавали экипажу значительный резерв времени, необходимый для запуска ракет после получения команды на пуск.

Сравнительно небольшое влияние на уменьшение угрозы случайных или несанкционированных действий, способных привести к ядерной катастрофе, может оказывать понижение боевой готовности тяжелых бомбардировщиков (ТБ), оснащенных ядерным оружием. Это объясняется прежде всего тем, что их боеготовность гораздо ниже, чем у ракет, к тому же полетное время ТБ до запуска с них крылатых ракет довольно велико. В течение этого времени может быть дана команда на отмену боевого приказа и возвращение бомбардировщиков на свою базу. В то же время весьма сложно осуществлять контроль за состоянием боеготовности ТБ. На них, например, могут быть загружены тактические ядерные боеприпасы, на которые запреты, в соответствии с договорами по СНВ, не накладываются, и они могут находиться в хранилищах на тех же аэродромах.

Роль и значение авиационного компонента ядерной триады может значительно возрасти в том случае, если будут сняты ядерные боеприпасы со всех СНВ. В этом случае время восстановления боеготовности ТБ будет наименьшим среди всех стратегических наступательных вооружений. В такой ситуации может резко возрасти роль и значение ТБ для нанесения по противнику массированного первого удара, особенно стороной, обладающей превосходством в авиационном компоненте триады.

Понижение боевой готовности СНВ означает, по существу, их перевод в категорию "возвратного потенциала", что, как показал ход обсуждений этой проблемы в формате

СНВ-2, является особенно чувствительным для России. Положение осложняется еще и тем, что существующая асимметрия в составе и структуре стратегических ядерных сил сторон определяет необходимость поиска разумных компромиссов в вопросах понижения боеготовности различных компонентов ядерной триады.

Ряд видных американских экспертов (Брюс Б., Файвисон Г., фон Хиппель Ф.) полагает целесообразным для США начать первыми понижение боеготовности своих ракет, подавая тем самым сигнал России последовать их примеру. Они предлагают снять с боевого дежурства оружие первого удара: 50 ракет "Пискипер", несущих на себе 500 высокоточных и мощных боеголовок и 400 аналогичных боеголовок W-88 БРПЛ "Трайидент-2". В качестве второго шага на этом пути они рекомендуют деактивировать таким же путем все ракеты наземного базирования (500 ракет "Минитмен-3"), сократить наполовину число развернутых подводных ракетоносцев и уменьшить число боеголовок на каждой БРПЛ с 8 до 4. При этом они считают необходимым предусмотреть изменение операций по подготовке ракет к пуску с таким расчетом, чтобы экипажу подлодки на эти цели потребовалось время не менее суток.

Они рассчитывают, что, как и в случае с заявлениями лидеров двух стран в сентябре-октябре 1991 г, Россия ответит на инициативу США аналогичными действиями. Авторы этих предложений полагают, что такие меры двух сторон значительно снизят угрозу возникновения случайного ядерного конфликта. В то же время оставшиеся боеготовыми средства ответного удара, обладающие высокой живучестью (выживаемостью при нанесении противником первого ядерного удара), будут обеспечивать поддержание стратегической стабильности на уровне минимального ядерного сдерживания в готовности сорвать нападение любого потенциального агрессора.

Осуществление указанных мер обеими сторонами значительно снизит их возможности в нанесении первого удара, существенно ограничит целесообразность запуска ракет по предупреждению. В то же время политическое руководство России и США могут принять решение о временном оставлении некоторой части своих СНВ в полной боеготовности до тех пор, пока и другие ядерные страны не последуют их примеру. В качестве конечной цели следует рассматривать снятие с постоянной боевой готовности всех ракет наземного и морского базирования при осуществлении взаимного контроля, который предусмотрен уже действующими соглашениями в области сокращения вооружений, а также теми, которые могут быть заключены в будущем. Основной целью такого контроля должна стать уверенность в том, что каждая ядерная страна не повышает тайно боевую готовность своих стратегических сил.

Риск ошибочной оценки ситуации, обусловленной случайным пуском ракеты, может быть снижен благодаря использованию прямой линии связи между Москвой и Вашингтоном, введенной в действие в 1963 г под влиянием Карибского кризиса. В 1971 г СССР и США подписали Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны. В нем определены действия каждой стороны при случайном запуске ракеты. В нем содержатся требования, предусматривающие действия стороны, которой принадлежит это оружие, по обезвреживанию и уничтожению запущенной ракеты, прежде чем она причинит какой-либо ущерб. Вскоре после этого последовало заявление заместителя

министра иностранных дел Виктора Карпова о том, что в Советском Союзе все МБР были оснащены устройствами их уничтожения после запуска по команде с Земли.

В настоящее время складывается более благоприятная, чем прежде, ситуация для того, чтобы приступить к практическим действиям по понижению боевой готовности стратегических наступательных вооружений. В ходе встреч президентов России и США в Любляне, а затем в Генуе, состоялись обсуждения проблем стратегической стабильности в новом формате, предусматривающем рассмотрение в одном пакете ее наступательного и оборонительного компонентов (СНВ-ПРО). Рассматривать состояние и укрепление стратегической стабильности без учета влияния на нее высокой боевой готовности СНВ и мер по ее снижению вряд ли возможно. Не вызывает сомнений тот факт, что Россия и США, как две ядерные супердержавы, должны взять на себя инициативу, сделать первые шаги по пути реального понижения боевой готовности. Только в этом случае можно побудить другие ядерные страны взять на себя обязательства не поддерживать и не приводить свои ядерные вооружения в состояние высокой боеготовности.

Вопрос о понижении боевой готовности СНВ должен в скором времени рассматриваться в практической плоскости в соответствии с принятыми ранее договоренностями. Во время встречи в Хельсинки в марте 1997 г президенты России и США договорились о "деактивации к 31 декабря 2003 года всех стратегических носителей ядерного оружия, которые будут ликвидированы по Договору СНВ-2, путем отстыковки их ядерных боеголовок или принятия других совместно согласованных шагов". Несмотря на то, что данная договоренность не является юридически обязывающей до вступления в силу самого Договора СНВ-2, подобные решения вселяют надежду на то, что Россия и США полны решимости осуществлять постепенное понижение боеготовности своих стратегических наступательных вооружений, укрепляя тем самым стратегическую стабильность, способствуя предотвращению случайного ядерного конфликта. В решении этой проблемы руководство двух стран будет несомненно опираться на поддержку мирового сообщества.

Ядерное оружие и расширение НАТО

В России расширение НАТО вызывает непонимание и озабоченность. Некоторые российские политики и парламентарий расценивают политику блока как откровенно враждебную по отношению к России и обвиняют Соединенные Штаты и НАТО в нарушении джентльменских соглашений конца 80-х годов, когда Советский Союз вывел войска из Восточной Европы и была распущена Организация Варшавского Договора, а СССР получил заверения о «нераспространении» военной структуры НАТО на Восток. На дипломатическом уровне, Москва не раз заявляла, что принятие новых членов в Североатлантический альянс лишь создает новые разделительные линии в Европе и не способствует укреплению безопасности, стабильности и доверия как на континенте, так и в мире. Особенно негативно в России относятся к перспективе принятия в альянс бывших республик Советского Союза.

Весной 1999 г блок НАТО расширился за счет принятия в него государств "первой волны" - Польши, Венгрии, Чехии, - представляющих наибольший военно-стратегический

интерес с точки зрения ориентированных против России планов ведения войны. В результате этого оперативная глубина блока увеличилась на 650-700 км. В распоряжение НАТО поступило около 290 аэродромов, на большинстве которых может базироваться фронтовая авиация; до 500 развернутых складов военного назначения; разветвленная сеть шоссейных и железных дорог, обеспечивающих оперативную переброску и развертывание войск. Фронтовая авиация получила возможность наносить удары по целям на европейской территории России вплоть до линии Грозный-Саратов-Котлас-Архангельск. Расширение НАТО в условиях выполнения Договора об обычных вооружениях в Европе привело к установлению соотношения сил НАТО-Россия примерно 3:1.

Многие российские специалисты считают, что в этих условиях Россия вынуждена сделать акцент на ядерные силы. Экспертами отмечается и понижение порога применения ядерного оружия, что отражено в военной доктрине России. Весьма показательным, что в апреле 1999 г под председательством президента России состоялось заседание Совета Безопасности РФ, на котором рассматривались проблемы ядерного оружейного комплекса. Среди обсуждаемых вопросов значительное внимание было уделено концепции развития и боевого применения тактического ядерного оружия как эффективного средства уравнивания сил сторон, обеспечения национальной безопасности России.

Хотя в 2000-01 годах наметилось значительное улучшение отношений между Россией и Западом, в том числе и НАТО, остается неясным, насколько последний готов на практике учитывать интересы безопасности РФ. Очевидно, что продолжение политики Запада 90-х годов, которая в Москве воспринималась как игнорирование интересов России, не может привести к укреплению доверия, и следовательно, будет отрицательно сказываться на всем спектре военно-политических отношений, в том числе и на контроле над стратегическими ядерными вооружениями и перспективами понижения их боеготовности.

Влияние развертывания системы национальной противоракетной обороны на уровень боеготовности СНВ

Как известно, стратегическое наступательное и оборонительное оружие тесно связаны между собой и образуют единую систему стратегических вооружений. Не случайно, что Договор ОСВ-1 и Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) были подписаны в один день - 26 мая 1972 г.

Россия считает, что Договор по ПРО уже в течение тридцати лет является "краеугольным камнем стратегической стабильности". Он способствовал прекращению (или хотя бы замедлению) гонки вооружений, укреплению стратегической стабильности. Его военно-стратегическое значение состоит в том, что при отсутствии системы территориальной ПРО страна - агрессор оказывается уязвимым для ответного, пусть даже ослабленного, удара возмездия со стороны страны, подвергшейся нападению. Это означает понимание того, что в ядерной войне победителей не будет: "Кто стреляет первым - тот неизбежно умирает вторым". Именно на этом базируется концепция взаимного ядерного сдерживания, лежащая в основе стратегической стабильности.

США объясняют намерения развернуть национальную ПРО существованием ракетной угрозы со стороны отдельных стран, а также возможностью случайного или несанкционированного запуска российской ракеты.

В последнее время в Соединенных Штатах речь идет о создании так называемой "ограниченной" национальной ПРО (НПРО), которая, как утверждает американская администрация, не будет представлять никакой угрозы для России. Тем не менее, даже ограниченная система НПРО предусматривает наличие трех основных компонентов:

- информационно-разведывательной системы;
- системы боевого управления и связи;
- средств перехвата.

Поскольку речь идет о создании системы защиты от ограниченных ударов всей территории США, то первые два компонента должны распространяться на все 50 штатов, т.е. будет создаваться основа территориальной ПРО, что запрещено Статьей 1 Договора. Ограничению подлежит только количество средств перехвата, число которых может быть многократно увеличено в течение короткого времени. Поэтому в России не без оснований полагают, что перспективная система ПРО, на самом деле, будет иметь в своей основе антироссийскую и антикитайскую направленность.

Проблема ПРО должна найти отражение в ходе начавшихся консультаций между экспертами и политическими деятелями России и США по поиску компромиссов при обсуждении проблем стратегической стабильности в связке СНВ-ПРО как единой системы. Как указывает Алексей Арбатов, "Если Вашингтон пойдет на новый Договор по СНВ, устраивающий Москву, можно принять ряд поправок к Договору по ПРО, позволяющих проводить более разнообразные испытания противоракетных систем и компонентов. Вопрос об их развертывании может быть темой отдельных будущих переговоров в зависимости от оценки угроз и развития технологий".

Если решение о развертывании национальной ПРО США будет принято, Россия может предпринять ответные действия. По мнению военных экспертов, меры, скорее всего, будут носить асимметричный характер и охватывать три основные направления:

- совершенствование СНВ с расчетом повысить их способность по преодолению перспективной ПРО;
- изыскание новых методов боевого применения СНВ;
- подготовка к ведению активных боевых действий против наиболее уязвимых элементов системы ПРО с целью ее нейтрализации.

Представляется, что подготовка к противодействию ПРО, наряду с целым рядом конкретных мер, будет предусматривать мероприятия по поддержанию российских СНВ в постоянной боевой готовности, т.к. в этом случае Россия будет вынуждена еще сильнее опираться на концепцию ответно-встречного удара. Эти вынужденные меры не будут способствовать повышению ядерной безопасности, устранению потенциальной угрозы

развязывания случайного ядерного конфликта.

Краткие выводы и рекомендации

1. Развернувшийся в мире процесс глобализации, все более набирающий силу в сфере экономики, информатизации, высоких технологий и т.п. распространяется также и на сферу военной безопасности. Это закономерно приводит ко все большей зависимости состояния национальной безопасности каждой страны от уровня стратегической стабильности в мире. Как указывал президент Владимир Путин, ни одна страна не может построить безопасный мир только для себя, тем более, в ущерб другим. Пример - террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне.
2. Необходим конструктивный диалог по поиску взаимоприемлемых решений. России и США следует, в первую очередь, добиться результатов на консультациях по проблеме стратегической стабильности в формате СНВ-ПРО с учетом недопущения нового витка гонки вооружений и сокращения накопленных арсеналов до уровня разумно необходимых. При ведении переговоров в формате СНВ-ПРО необходимо согласовать основные военно-доктринальные положения, предусмотрев, в частности, отказ от нанесения ракетно-ядерного удара "по предупреждению" как одной из главных угроз развязывания непреднамеренного ядерного конфликта.
3. Реально снизить вероятность случайной ядерной войны можно лишь отказавшись от концепции поддержания ядерных вооружений в состоянии высокой постоянной боевой готовности. Меры по снижению боеготовности могут обсуждаться, и быть приняты, параллельно с консультациями по СНВ-ПРО и сокращению стратегических вооружений. Возможны односторонние, поэтапные шаги, с последующим обсуждением и дополнением мерами по повышению доверия. Вместе с тем, необходимо учитывать и то, что в условиях наличия огромных арсеналов ядерного оружия, снижение боеготовности, если оно осуществляется путем снятия боеголовок со средств доставки, может оказаться весьма сложной задачей в виду финансовых и технических проблем, связанных с хранением, перевозками и утилизацией отстыкованных боезарядов.
4. Меры по снижению уровня боеготовности СЯС России и США могли бы способствовать тому, чтобы придать новый импульс российско-американскому диалогу по новому формату стратегических отношений сторон. В частности, Россия могла бы рассмотреть возможность досрочного понижения уровня боеготовности части МБР, которые предполагалось уничтожить в рамках Договора СНВ-2, даже если этот документ так и не вступит в силу. В ответ, Соединенные Штаты могли бы пойти на сокращение количества своих ПЛАРБ, постоянно находящихся на боевом патрулировании. Стороны могли бы также подумать над тем, чтобы отказаться от поддержания высокого уровня боеготовности своих БРПЛ, развернутых на находящихся в базах подводных лодках. В случае улучшения политических отношений, Россия и США могли бы пойти на более далеко идущие меры с подключением к ним других ядерных держав.
5. Следует иметь в виду, что состояние уровня боевой готовности стратегических ядерных сил и связанная с ним вероятность развязывания случайного ядерного конфликта находятся в прямой зависимости от состояния отношений между

ядерными державами. Это означает, что принятие Соединенными Штатами недружественных шагов по отношению к России, таких как расширение НАТО на восток, выход в одностороннем порядке из Договора по ПРО, будет препятствовать снижению уровня боеготовности стратегических и тактических ядерных вооружений.

6. В условиях нынешней весьма сложной и динамичной международной обстановки в деле нахождения путей предотвращения вооруженных конфликтов значительная роль принадлежит неправительственным и общественным организациям, деятельность которых не связана никакими обязательствами и позволяет проводить широкие исследования и поиск нетривиальных путей по поддержанию стратегической стабильности. Возможно, уже в ближайшее время следовало бы начать обсуждение на уровне экспертов вероятных способов снижения боевой готовности стратегических ядерных сил, взаимного контроля за выполнением обязательств, взятых на себя Россией и США в отношении снижения боеготовности тактического ядерного оружия.

Примечания

1. Использование даже части ядерного оружия, находящегося в состоянии высокой боеготовности, приведет к долговременному изменению планетарного климата ("ядерной зиме") и вымиранию человечества. Американский астрофизик К. Саган опубликовал в 1983 г. результаты исследований последствий возможной ядерной войны при использовании боеприпасов с суммарной мощностью 5000 Мт, что составляло в ту пору около 12% накопленных боезарядов. Он показал, что над разрушенными городами и выжженной землей поднимутся плотные облака сажи, наступит полная темнота и резко понизится температура поверхности планеты. Воздушные течения будут переносить эти облака в районы всего земного шара. Результаты этих исследований были использованы советскими учеными для оценки возможных последствий гипотетической "ядерной зимы". Моделирование подобной ситуации показало, что уже в первые недели после начала широкомасштабного применения ядерного оружия средняя температура в северном полушарии понизится на 15-20 градусов, а в отдельных районах - на 30 и даже 40 градусов. К началу второго месяца облака сажи полностью окутают Землю. Это приведет к тому, что верхние слои атмосферы будут поглощать значительную часть солнечной энергии и разогреются до 100 градусов, а у поверхности Земли надолго установится отрицательная температура. Впоследствии расчеты были продолжены и показали, что даже использование ядерных боезарядов общей мощностью 100-150 Мт приведет к наступлению "ядерной зимы" (По данным СИПРИ, одна ракета МХ может нести 10 боезарядов с суммарной мощностью 3 Мт. Одна ракета СС-18 может нести 10 боезарядов с суммарной мощностью 5.5-7.5 Мт). Даже разрушение Международного торгового центра в Нью-Йорке в результате террористического акта 11 сентября - а масштаб ущерба здесь был гораздо меньше, чем при применении мощного ядерного боеприпаса - привело к образованию устойчивой взвеси мелкой пыли и появлению резкого запаха, сделавших практически невозможным проживание в кварталах, находящихся в радиусе до 1 км от эпицентра, в течение 2-3-недель.
2. Некоторые эксперты относят БРПЛ, находящиеся на вооружении Великобритании и Франции, к классу ядерных сил, имеющих высокий уровень боеготовности.
3. ГУУАМ - Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова.
4. По западным оценкам, в настоящее время в Европе и Турции осталось порядка 150 складированных американских ядерных авиабомб.

5. Процедура перенацеливания не увеличивает время подготовки к пуску, но тем не менее рассматривается как мера укрепления доверия.
6. Некоторые эксперты считают, что на эту операцию уходит не более нескольких секунд.

Список использованной литературы

7. Арбатов А. Безопасность: российский выбор. М, 1999, 525 с.
8. Белоус В. ПРО США: мечты и реальность. М, 2000, 300 с.
9. The New York Times, 1980, Sept. 22.
10. Belous V. The Prevention of the Nuclear Threat - a Main Global Problem. Edited by Carin Wedar. Towards a Nuclear-Weapon-Free World . Stockholm, 1993.
11. Belous V. Conteracting Accidental Nuclear War. Edited by H. Wiberg. Inadvertent Nuclear War. Pergamon Press, 1993
12. Арбатов А. Ред. Договор СНВ-2 и национальная безопасность России. М., 1993, с.9-12.
13. Сообщение агентства AP, 1987, 12 июня.
14. Подвиг П. Ред. Стратегическое ядерное вооружение России. М., 1998, 478 с.
15. Белоус В. Роль фактора случайности в возникновении войны. - США: экономика, политика, идеология, 1990, N 7. с. 38-46.
16. Ред. Громько А., Хеллман М. Прорыв: становление нового мышления. М., 1988, с.60, 72.
17. Макнамара Р. Путем ошибок к катастрофе. Пер. с англ. М., Наука, 1988, 150 с.
18. Лин Г. Разработка программного обеспечения для системы ПРО. В мире науки, 1986, N 2, с.8,9.
19. Зарубежное военное обозрение, 1985, N 9, сс. 17,18.
20. Блэр Б., Файвисон Г., Фон Хиппель Ф. Снять ядерное оружие с боевой готовности. Ядерное распространение, 1998, февраль.
21. Байчурин Р. Интервью с генерал-полковником Игорем Сергеевым. Независимая газета, 1994, 15 декабря.
22. Арбатов А. Еще раз о ПРО. Независимая газета, 2001, 4 июля.
23. Белоус В. Преждевременные инициативы. Независимое военное обозрение, 1997, N 35.
24. В.Марюха. 23 минуты до конца света, или был ли мир на грани войны 25 января 1995г? Ядерная. безопасность, 1997, август.
25. Мойсеев Н. Система "Гея" и проблема запретной черты. Мир науки, 1985, N 1, сс.2,3.
26. Блэр Б., Кендалл Г. Случайная ядерная война. Мир науки, 1991, N 2, сс. 14-18.
27. Долинин А. Теперь ракеты не нацелены друг на друга. Красная звезда, 1994, 20 января.
28. Белоус В. Когда "стратеги" остаются вне игры. Ядерная безопасность, 1998, июнь-июль.
29. Белоус В. Система обеспечения ядерной безопасности России. Ядерное распространение, 1999, выпуск 31-32.
30. Белоус В. Насколько безопасен "гарант безопасности"? Ядерная безопасность, 1998, апрель-май.

Настоящий доклад подготовлен в секторе нераспространения и ограничения вооружений Центра политических и военных прогнозах ИМЭМО РАН

Руководитель проекта: ПИКАЕВ А.А.

ОБ АВТОРАХ:

АРБАТОВ Алексей Георгиевич - д.п.н., заведующий ЦПВП ИМЭМО РАН,

депутат Государственной Думы, заместитель председателя Комитета ГД по обороне

БЕЛОУС Владимир Семенович - д.в.н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, профессор Академии военных наук, генерал-майор в отставке

ПИКАЕВ Александр Алексеевич - к.п.н, заведующий сектором по нераспространению и ограничению вооружений ЦПВП ИМЭМО РАН, помощник депутата Государственной Думы

БАРАНОВСКИЙ Владимир Георгиевич - д.п.н., заместитель Директора ИМЭМО РАН

Научно-организационная работа:

ЛЕДНЕВ Г.К., ФАРНАСОВА Т.У., МАТВЕЕВА В.И., ШАТИЛОВА Ж.В.